

УДК 159.937 + 82-94 + 94(470)“1941/1945”

И. Д. Шилоносова

**ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ
Н. СУХИНИНОЙ «МАРШ СЛАВЯНКИ»**

Рассматривается отражение в художественном произведении восприятия Великой Отечественной войны ребенком, пережившим ужасы оккупации.

Ключевые слова: война, образ, ребенок.

Не наигравшиеся, не начитавшиеся вдоволь сказок, не успевшие пресытиться докучливой родительской опекой — все это они, дети войны...

Главный герой повести Н. Сухининой «Марш славянки»¹ Виктор Гладышев — один из этих детей. Человек сложной, порой драматической судьбы. Еще до начала войны семья Вити Гладышева, где было шестеро детей, лишилась матери. Великая Отечественная война отняла последнюю опору детей — любимого отца, и 8-летний Витя вместе со своими братьями и сестрами оказывается ввергнутым в пучину войны. Они бегут от наступающих немцев в свою деревню Смолино, куда тоже скоро приходит армия противника.

Беззащитный маленький Витя проходит через все испытания военного лихолетья — оккупацию, плен, голод, холод, мучительные унижения малолетнего узника, переживает страшные минуты собственного расстрела. Война делает все, чтобы убить в нем человека, втоптать в грязь все самые чистые и светлые помыслы детской души. Но все муки, выпавшие на его долю, не сломили детскую душу, в которой жил Господь. Недаром отец, уходя на фронт, напутствовал детей: «Держитесь ближе к Богу».

Вообще, повесть Сухининой в некотором смысле как бы перекликается с мыслями Достоевского, опубликовавшего в середине 1877 г. в «Дневнике писателя» статью, в которой он рассуждает о войне от имени некоего «парадоксалиста». Иногда писатель использовал этот явно несуществующий персонаж для высказывания неожиданных и спорных суждений. Диалогу, присутствующему в статье, присущ публицистический стиль самого Достоевского².

Дикая мысль, что война есть бич для человечества, — начал парадоксалист, — напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжаясь всегда слишком долго, и озверяет народы на целые столетия. Но политическая, международная война приносит одну пользу во всех отношениях, а потому совершенно необходима... Нет выше идей, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих собратьев и свое отечество... Великодушные гибнет в периоды долгого мира, а

¹ Все цитаты в тексте даются по изд.: *Сухинина Н.* Прощание славянки. Яхрома : Алавастр, 2007.

² Цитаты из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского выложены на сайте: www.zlev.ru

ШИЛОНОСОВА Ирина Дмитриевна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: irinad@isnet.ru).

© Шилоносова И. Д., 2011

вместо него являются цинизм, равнодушие... Долгий мир ожесточает людей. Тогда социальный перевес переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого — главное, к богатству и капиталу... Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат... Война развязывает братолюбие и соединяет народы... Война менее озлобляет, чем мир...

«Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия... Война поднимает дух народа...» Вот и на пути Вити и его родных встречаются добрые и отзывчивые люди. Это Анна Антоновна и Иван Федорович Глотиковы, дальние родственники, которые не только дают приют им, шестерым детям, в своей и без того большой семье, но и под угрозой смертельной опасности спасают Витю от расстрела. Это и незнакомая девочка, отдающая Ване чугунок с картошкой, и немец, принесший лекарство больной сестренке. Это и сам отчаявшийся и полуголодный Витя, который вместе с братом Иваном сооружает тайник и прячет туда несколько картофелин и сухарей для отца — вдруг он вернется с фронта, а есть нечего. А потом все эти сбережения отдает нашим голодным солдатам, пробирающимся из окружения к фронту. И которому почему-то спустя годы стыдно за охапку соломы, оказавшейся вдруг в их с братом распоряжении там, на полу, в полуразрушенной боровской церкви, куда согнали оккупанты женщин и маленьких детей.

Книга Н. Сухининой возвращает к нам из далекого уже прошлого трагические дни оккупации, которую мы видим глазами ребенка. Автор писал эту документальную повесть сразу же после встречи с посевшим уже Виктором Георгиевичем Гладышевым, музыкантом, в совершенстве освоившем несколько музыкальных инструментов. Его рассказ то и дело прерывался долгими мучительными паузами: он словно бы заново переживал весь ужас тех дней:

По деревне, со стороны села Васильчиково, гнали узников. Это были женщины, совершенно измотанные, растрепанные — жалкие. Некоторые несли совсем маленьких детей, дети хныкали, таращили глазенки, те, кто постарше, цеплялись за материнские подолы. Фашисты зло покрикивали на них, толкали в спины.

Витя в ужасе смотрел на узников. Они ничем не отличались ни от тети Ани, ни от его сестрички Насти, ни от него самого. Гнали их, видно, давно. У людей не было сил, они спотыкались, скользили по мерзлой тропе, падали. Но старались быстро вставать, чтобы не затолкали те, кто сзади. Узники свернули с большака, их погнали вверх к церкви, по центральной деревенской улице. Злые, видать, голодные и тоже измотанные немцы не позволяли узникам сбавлять шаг. Торопили, грозили автоматами. Громко заплакала девочка. Испуганная мама что-то быстро и взволнованно ей заговорила. Но девочка, видно, долго державшая этот плач в себе, уже не могла успокоиться. Было ей годика четыре, не больше. В платке крест-накрест, в стареньком хлипком пальтишке, в черных ботиночках. Фашист выхватил глазами в толпе плачущего ребенка, что-то зло закричал матери. Та схватила девочку на руки, прижала к себе, продолжая что-то нервно ей говорить. Девочка заплакала опять и опять громко. Фашист еще раз зло прикрикнул и бледная, как полотно, от усталости, страха, отчаяния женщина закрыла девочке ротик рукой. Но силы покидали ее. Нести ребенка она уже не могла. Опустила дочку на снег, крепко вцепилась в ее руку, почти потащила бедняжку по дороге. Витя бежал поодаль от колонны узников. Они уже спустились к Березовке, к небольшому мостику через речку. Скованная морозом Березовка, по весне такая неугомонная, живая, сейчас совсем затихла. Снег лег на нее ровно, кое-где она поблескивала ледком, а прямо у мостика темнела пугающей чернотой широкая прорубь. Девочка зашлась громким

плачем. Фашист еще раз злобно и громко прикрикнул на женщину, замахнулся на нее прикладом. Она машинально загородилась рукой, а девочка истошно закричала. Фашист замахнулся и на нее. Перепуганный ребенок отскочил от немца, с дороги — в сугроб. Раздался крик: Мам-а-а!

Немец изо всех сил дернул девочку к себе, схватил за рукав и потащил к проруби. Мать не сразу поняла — зачем. Она смотрела на немца широко раскрытыми глазами и — молчала. А когда поняла... закричала. Это был страшный крик. Кричала и девочка, но уже слабенько, беспомощно...

Немец тащил ее по снегу, платок развязался, волосенки лезли в глаза, один ботиночек соскочил. Немец подтащил девочку к речке, перевернул ее вниз головой и изо всей силы воткнул в прорубь. Женщина продолжала страшно кричать. Но Витя уже не видел ее. Он видел только торчавшие из проруби детские ножки...

Не разбирая дороги, мальчик побежал в деревню. Он упал в сугроб, его рвало, голова от перенесенного ужаса кружилась».

У каждого о войне своя правда. Своя она и у маленького ребенка. Образы войны для него — это и беспомощно торчащие из проруби детские ножки, и застреленный немцами друг Гришка, и две вареные картошки из чугунок, и зашитые заботливой тетей Аней в детский подол зерна пшеницы, и убитая или околевавшая от мороза лошадь, темное мясо которой Витя скребет ногтями в зимнюю стужу, и длинная нескончаемая ночь в боровской церкви, на каменном полу которой он замерзал, и живой щит на передовой из малолетних узников, служащих прикрытием для немцев, и детский дом в Пушкино...

Кажется, что война все сделала для того, чтобы вытравить из маленького сироты ЧЕЛОВЕКА. Но словно бы подтверждая мысль Достоевского о том, что «война есть повод уважать себя», вложенную великим писателем в уста «парадоксалиста», Витя Гладышев, провожая отца на фронт, надолго сохраняет в своем сердце звуки удивительного марша «Прощание славянки». Именно эти звуки духового оркестра у райвоенкомата Наро-Фоминска помогают Вите не только пережить весь ужас войны, так безжалостно отобравшей у него детство, но и определяют его дальнейшую жизнь и профессию. В детдоме военные, взявшие над ним шефство, пристроили Витю учиться музыке, заметив его любовь к ней.

Утром, по апрельскому солнышку бежал он по плацу на репетицию. А оркестр заиграл! Будто миллионы брызг взлетели в небо. Сердце застучало так, что Витя остановился. Она! Та самая музыка, которую он, зареванный, слушал у райвоенкомата в Наро-Фоминске. Уходили на войну мужчины. Плакали, голосили женщины. А музыка, будто прекрасная милосердная незнакомка, вскинула свои наполненные болью глаза на многолюдную привокзальную площадь, будто простерла над ней руки свои. Уже прозвучала команда: «Становись!» — и уехали мужья, отцы, братья туда, где убивают, калечат, откуда долго идут, а бывает и вовсе не доходят письма. Именно тогда духовой оркестр и заиграл. Витя не знал еще, что это за марш. Но он почувствовал, что просто стоять и слушать эту музыку — невозможно. Она не для того, чтобы стоять и слушать, она для того, чтобы жить дальше. Гремел, гремел духовой оркестр. Мужчины прижимали к себе детей, хмурились. Молчали. Если бы не музыка... Если бы не музыка, Витя ухватился за подножку теплушки, в которую поднялся его отец. Но музыка мальчика устыдила. Она будто скомандовала — держись! Надо держаться, Витя. Смотри, как всем тяжело, но ведь держаться. И музыка, наполненная волей, надеждой и печалью, радостью и мужеством, смущением и решимостью, неслась на Витю, превращаясь мгновенно в трепетную и священную любовь.

Именно музыка, как бы сливаясь с образом ушедшего на фронт отца, становится для Вити Гладышева исцеляющим даром, позволяет выжить и не уронить человеческого достоинства.

И вот он, Витя, недавно стоящий под дулом немецкого автомата и прикрывающий собой на передовой немцев, включен в резерв сводного духового оркестра Московского гарнизона, который будет участвовать 24 июня 1945 г. в Параде Победы. И «в узкую щелочку между спинами двух стоящих впереди трубачей-резервистов он видит четкий строй солдат, несущих штандарты разгромленных фашистских полков и дивизий. Солдаты с презрением волочат знамена по мокрой брусчатке». А 9 мая 1946 г. Виктор Гладышев уже полноправный участник Парада Победы. «Из ворот Спасской башни показывается маршал Жуков. На белом коне. Какая красота! <...> Конь под маршалом будто точеная белая статуэтка. У Виктора перехватывает дыхание от красоты и величия момента. Красная площадь залита солнцем. Взмах дирижерской палочки... Виктор набирает побольше воздуха в легкие, привычно на секунду замирает... Звук его альта теряется в звуках тысячетрубного духового оркестра». Это и его, Виктора Гладышева, Победа!

В художественной ткани повествования пересекаются прошлое и настоящее, которые немислимы друг без друга. Военная боль Виктора Гладышева не утихла, не схоронилась под грузом послевоенных впечатлений. Все еще в деревне Смолино можно увидеть покосившийся, вросший в землю дом Глотиковых, приютивших сирот, зайти в тот самый боровский храм Св. Бориса и Глеба, куда фашисты сгоняли детей в лютый мороз... И кажется, что на самом деле в повести Сухининой два героя: маленький Витя и убеленный сединами Виктор Георгиевич Гладышев, которые неразрывно связаны друг с другом невыносимой военной болью. «Вся моя жизнь на этой боли завязана», — так определяет все еще зримое, физическое присутствие войны в своей жизни Виктор Гладышев.

Сейчас Виктор Георгиевич Гладышев уже давно на пенсии и, как ни странно, работает в немецкой компании «Мави», которой руководит баварский предприниматель Квирин Видра. Гладышева многие спрашивают: «Как же так? Ты пострадал от немцев и теперь работаешь в немецкой фирме?» Виктор Георгиевич всем одинаково отвечает: «Я пострадал от фашистов. Все, пережитое мною, забыть нельзя. Но озлобиться против немцев я себе никогда не позволю. Я — русский. А русские испокон веков били врагов, а друзей привечали». Квирин Видра руководит фирмой в России около пятнадцати лет. Его дед четыре года после Второй мировой войны находился в плену на Урале. «Никогда, ничего, — утверждает Квирин, — дед не говорил плохого о русских». «Самое ценное, что есть в России — это люди», — считает предприниматель. «С ним трудно не согласиться, — пишет Сухинина, — но остаться русским человеком не просто. Это под силу только тем, кто цепко, корнями держится за русскую почву, боясь забыть ее горьковато-сладковатый вкус. Виктор Георгиевич этот вкус помнит. Ведь корнями он там, в дорогом его сердцу Смолино, где заложены были в него с молоком его красивой матери и благочестивого отца основные понятия чести, совести, веры. Он до сих пор не может простить себе

маленького клочка соломы, который они с братом раструсили на полу боровской церкви. — Мы-то на соломе, а другие...».

В фабульной линии повести много неслучайных, словно бы predeterminedных свыше, совпадений. Так, Василий Иванович Агапкин, создавший прекрасный марш «Прощание славянки», как и Витя Гладышев, родился в простой крестьянской семье. Он рано стал сиротой и в голодном детстве вместе с братьями и сестрами побирался, ходил с протянутой рукой по домам. Потом была в жизни известного музыканта случайная встреча, определившая весь его жизненный путь. Он встретился с капельмейстером военного оркестра. Тот и хлопотал о зачислении Васи Агапкина учеником в духовой оркестр 308-го Царевского резервного батальона Астраханского пехотного полка. А затем Агапкин, уже будучи автором «Прощания славянки», из сирот, оставшихся без отцов после Балканской войны, создал духовой оркестр, и многие его ученики в дальнейшем стали известными музыкантами. Известный военный дирижер Агапкин как бы протягивает незримо руку помощи Вите Гладышеву, в жизни которого марш «Прощание славянки» занял такое особое, почти священное место. На Параде Победы 24 июня 1945 г. Агапкин дирижирует правым флангом сводного оркестра, который насчитывает 1400 музыкантов. И стоящий в резерве мальчик «напряженно щурится в сторону правого фланга. Где он там, дирижер Агапкин, автор знаменитого марша, к встрече с которым Виктор Гладышев шел очень трудными, совсем недетскими дорогами? Но видел он только мокрые от дождя трубы, аккуратные затылки музыкантов. Видел часть трибуны. Едва различимое пятно сталинского лица».

Неслучайным кажется и другое совпадение, касающееся уже повзрослевшего Виктора Гладышева. Вместе с голубоглазой красавицей Анной они вдруг выясняют, что оба были там, в боровской церкви, куда в лютый мороз, на верную смерть согнали немцы женщин, стариков и детей.

...Клочок принесенной Иваном соломы в углу церкви, почти под окном. Дрожащие от холода и ужаса сестры. А в глубине храма, правее, наискосок — плачет ребенок... Ну почему он запомнил этот плач? Ведь ему самому было очень страшно. Немцы то и дело уносили трупы замерзших детей на улицу. Он переживал нечеловеческие страдания, а этот плач — запомнил. И вот теперь та самая, плачущая тогда на маминых руках четырехмесячная Анечка, подруга встреченной им случайно в электричке девушки, скорее всего станет его женой.

Да и само имя Виктор оказывается глубоко символичным. Он, в котором с сатанинской ненавистью, война уничтожала человека, оказался Победителем, подтвердившим слова великого Достоевского: «Мы непобедимы ничем в мире... Нет такой силы на всей земле».

Наталья Сухинина, заканчивая свою документальную повесть, пишет: « Дети войны... Два коротких слова, глубоких, как колодец, горьких, как июньская полынь. Что мы можем сделать для них? Немного. Согреть словом, одарить вниманием, поддержать сочувственным вздохом. А еще — помолиться. И о живущих ныне, и об ушедших в небытие, так и оставшихся детьми навек».